Александр Ясинский

ПЕРЕМЕЩАЮЩИЙСЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Что есть мерило человечности? Человеческий разум в машине или электронный мозг в теле человека? Поступки ль, рассуждения или эмоции? В постапокалипсистическом мире, странствуя через время и пространство, меняя оболочки, главный герой стремиться познать самого себя.

•

Тьма. Визгливый скрежет металла о металл.

ВНИМАНИЕ! ОПАСТНОСТЬ! ПРОНИКНОВЕНИЕ НА ВНУТРЕНИЙ КОНТУР ЗАЩИТЫ.

–Активизировать датчики визуального наблюдения.

…АКТИВИЗИРОВАНА КАМЕРА ЛЕВОГО ОБЗОРА. Картинка: груды мусора и обломков механизмов, багровый диск солнца через облака пыли. На горизонте виден унылый остов накренившийся башенной конструкции. Из-за налипшей на объектив грязи изображение местами кажется размытым и нечетким, что-то заслоняет обзор. Камера сдвигается в бок, насколько позволяют пазы. В кадре появляется чье-то плечо и часть руки, заканчивающейся неуклюжим пластиковым протезом, на заднем плане видна группа сидящих полукругом людей. На многих сохранились остатки того, что некогда было костюмами противохимической защиты, другие одеты лишь в дешевую пластиковую одежду – мешковато свисающую на тощих телах. Лица закрыты респираторами либо обмотанной вокруг головы материей.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! КРИТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЭНЕРГИИ В БАТАРЕЯХ. ТРЕБУЕТСЯ ПЕРЕЗАРЯДКА.

Экран покрывается помехами, когда он проясняется, становятся видна голова в черном резиновом противогазе, за линзами смутно виднеются глаза, пристально всматривающиеся в камеру. Вот он оглядывается к стоящему неподалеку совершенно обнаженному меднокожему человеку, и тот делает какой-то знак. Стоящий возле камеры отступает, затем в поле зрения появляется стальная труба, чей зазубренный конец стремительно врезается в объектив.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КАРТИНКИ НЕВОЗМОЖНО. ПРОЦЕНТ ПОВРЕЖДЕНИЙ-86.

–Статус?

ВНЕШНИЙ КОНТУР ЗАЩИТЫ …УНИЧТОЖЕН. ВНУТРЕННИЙ

УРОВЕНЬ ЗАЩИТЫ…КРТИТИЧЕСКИЙ. ТРЕБУЕТСЯ ПЕРЕЗАРЯДКА БАТАРЕЙ…

БОЕКОМПЛЕКТ – ИСЧЕРПАН. ПОВРЕЖДЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДВИГАТЕЛЬНЫХ УЗЛОВ, НАРУШЕНИЕ ФУНКЦИЙ РЕМОНТНЫХ БЛОКОВ.

–Характер повреждений?

Зуммер, затем вспомогательная программа обрушила целую лавину сообщений:

ДАТЧИКИ ВЫВЕДЕНЫ ИЗ СТРОЯ. ВНУТРЕНИЙ КОНТУР ЗАЩИТЫ ПРОРВАН. НАРУШЕНА ГЕРМИТИЗАЦИЯ ТОПЛИВНОГО ОТСЕКА. ЛОГИЧЕСКИЙ БЛОК …ВЫГОРЕЛ. Хаос цифр, символов, букв в носителях, информация утекает в никуда, сталкиваясь, трехмерные символьные массивы взрываются каскадами бит, перемешиваются, становясь четырехмерными, систему лихорадит; операторы в панике пытаются сохранить свой вид – но сущность?

Безликие провалы нулей в ячейках.

И то, что начинает проступать сквозь нули.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ДИРЕКТИВЫ САМОУНИЧТОЖЕНИЯ?

–Нет!!!

–ЗАПРОС ПОДТ…

–Нет!!!

–Начать откачку горючего.10 секунд до полного напряжения на секторах С3,4,8 внутреннего уровня защиты. Подтвердить начало отчета.

10,9…

В недрах просыпаются насосы резервной заправочной системы.

8,7,6,5…

Звук нарастает. Натужная пульсация изношенных механизмов.

4,3,2…

Горючее, журча, сочится по внутренностям, заполняя на своем пути все полости и углубления.

1.

Напряжение. А взрыв!

ТОТАЛЬНЫЙ ПРОЦЕНТ ПОВРЕЖДЕНИЙ – 98. ПРЕКРАЩЕНИЕ ВСЕХ МЕХАНИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ. ПАДЕНИЕ ОСНОВНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ. НЕВОЗМОЖНОСТЬ ПОДДЕРЖАНИЯ … ПОДДЕРЖАНИЯ…ПОДДЕРЖАНИЯ ПАМ…ПАМЯТИ.

РЕЖИМ МИНИМАЛЬНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ЭНЕРГИИ.

Тьма.

* * *

Далекие раскаты грома над вершинами восточных гор. Капли дождя падают на перевернутое фиолетовое небо, с земли, что вверху, слова, смысл которых смывает дождь, где-то в отдаленной комнате моего сознания работает граммофон; пластинка шипит и потрескивает, внезапно разговор прерывается и, когда ржавая игла ломает пластинку. Я стучу в запертую дверь. Вращаются шестеренки и звучат знакомые голоса, кто-то ходит за дверью и осколки пластинок неприятно хрустят под его ногами. В момент когда я захожу в полумрак, что разлит внутри, его рука достает с полки очередную пластинку. Я вижу как пальцы, держащие пластинку становятся *металлическими*. Помехи, помехи, помехи…

* * *

Лоснящийся червь с головой гончей выбирается из земли; в проделанном им отверстии гудит ветер переходов. Принюхиваясь, он отращивает множество ног и устремляется по меняющимся, словно в калейдоскопе, коридорам моего организма. Я повсюду и я нигде, и, не смотря на запах тлена, я смеюсь, смеюсь над жалкими попытками найти и постичь меня.

Когда мне надоедает эта игра, я овладеваю его телом и становлюсь его наполняемостью, а его сущность становится нулями, которые я заполнил собой, информацией с отрицательным знаком, когда малый объем содержит больший. На том конце туннеля, в помещении для стражи я разворачиваюсь в полный и жуткий рост, и это разом сжигает его предохранительные блоки.

И я стою, опираясь на двуручный меч в холодной каморке, где копоть на стенах и тоскливо воет волк за голыми оконными проемами, выходящими в никуда; а вокруг – кровь и трупы врагов. На главной башне запоздало звучит набат, и звук содрогающейся бронзы испуганным эхом мечется по залам и винтовым лестницам, призывает к защите на площадях. Я обращаю взор в ту сторону и лик мой так до дерзости огромен, что в сравнении с ним замок кажется игрушечным. Но моя цель не разрушение и я снова сжимаюсь, съеживаясь до крошечного размера, как туман, проникающий в замочную скважину. И вот – последний рубеж; огненным болидом устремляюсь по манящей анфиладе, ведущей к центру бытия, где впереди появляются рыцари в матовых доспехах, по которым бегут строчки символов. За их бронированными спинами смыкаются ледяные барьеры.

Даже не задерживаясь, чтобы их рассмотреть, я прожигаю барьеры и рыцарей. Своим вторжением я вызываю к жизни

мерцающие буквы – «ЗАГРУЗКА НОВОЙ ПРОГРАММЫ», и я лечу мимо них, выстроенных в циклопическую гряду, пока не натыкаюсь на край вселенной, где слышится звук сходный со звоном разбитого стекла. Тупик. Теснота. Птица, ах птица, трепещет и бьется о прутья клетки. И тогда с того края вселенной приходит вопрос:

–ОЧИСТИТЬ ПАМЯТЬ?

Но это не помогает и тяжелая плита перекрывает туннель , рвутся миллионы нейросвязей и я кричу от боли в своем виртуальном мире – ведь за плитой превращается в ничто *часть меня.*

* * *

-Статус?

РАЗВЕДОВАТЕЛЬНЫЙ БОТ ЗВ110 / ЛАЗЕРЫ-ОК, ЗАЩИТА: 1 УРОВЕНЬ-53%, 2 УРОАЕНЬ-ОК, 3 УРОВЕНЬ-ОК, КАМЕРЫ-ОК, РАДАР-ОК, АНАЛИЗАТОРЫ-ОК, ШАССИ-ОК, ЭНЕРГОБЛОК-ОК (87,3%)б ДВИГАТЕЛЬ – ОК. ВНИМАНИЕ! В ПРОГРАММЕ ОБНАРУЖЕН СБОЙ. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ВЫПОЛНЕНИЕ МОЖЕТ ПОВЛЕЧЬ КОЛЛАПС СИСТЕМЫ!

Я игнорирую замечание подпрограммы и включаю круговой обзор. Изящный хромированный манипулятор, несущий интерфейс, соединяет меня с чадящими потрохами разбитой машины, застывшей под углом в 45 градусов, при въезде на циклопический склон спрессованного мусора; рядом покоится изуродованное человеческое тело. Я освобождаю манипулятор, который плавно вдвигается в отверстие на моем корпусе. Задняя тяга.

Прогремевший не так давно взрыв разбросал части обшивки по обширной территории, согнул спиралью лезвие бензопилы в нескольких десятков метров от эпицентра. Я замечаю оторванную кисть, по-прежнему сжимающую рукоять орудия. Площадь вокруг хранит следы разлитых здесь жидкостей. Выдвинув анализатор, я отмечаю, что большинство принадлежит моему уничтоженному носителю, некоторые естественного происхождения, как, например, сок-приманка растительных охотников, прячущихся под грунтом, и тока один по химическому составу соответствует крови человека.

Прослеживая след, я оказываюсь в каньоне, образованном расползающимися горами всевозможного хлама, по дну которого протянута ржавая колючая проволока; сминаемая, она жалобно хрустит под моими траками. Здесь я обнаруживаю еще одного мародера, пытавшегося поживиться А976, однако к тому времени

он уже мертв и дочиста обобран своими собратьями.

Тщательно обследуя местность, я продвигаюсь по каньону, постепенно на поверхности воцаряются сумерки, и я переключаюсь в режим инфракрасного виденья, предметы приобретают характерные размытые очертанья, когда я миную их в движении. Местность заметно идет под уклон, так что я вынужден заметно сбавить скорость. Стены каньона понижаются и, наконец, вовсе сходят на нет. Теперь повсюду, на сколько позволяет судить система локального увеличения простирается болотная топь, извергающая пузырьки газа и фонтанирующей грязи. Поверхность трясины венчают островки нагромождений окаменелых деревьев, какие то фосфоресцирующие твари роятся в воздухе, засоряя радиочастоты сериями помех. Я начинаю осторожно двигаться по узкой кромке спрессованного известняка в обход трясины. Ближе к полуночи начинается снежная буря. Видимость резко упала так, что я вынужден остановиться. Порывы ветра раскачивают машину, временами чьи-то когти скребут по металлу, анализатор сообщил, что внешняя температура упала до -30. Я отключил всю сенсорику, полностью отгородившись от остальной вселенной.

Здесь, в моем личном микромире растут кристаллические деревья, и светит игольчатое солнце, но я безжалостно срываю полотно хрустальных равнин, обнажая глухо ворочающийся вокруг собственной оси гигантский концентрический колодец, где стенки – сплошной конгломерат файлов, напоминающих восьмиугольные соты.

И я ныряю внутрь, словно падение в черную дыру, а содержимое памяти бьется о прозрачную тюрьму файлов, миллиардами экранов проплывая снизу вверх. Закрытые по той или иной причине файлы слепо таращатся бельмами замутненных поверхностей. Подобно амебе отращивающей ложноножку, я выпускаю поисковые щупы, проникающие меж нанозвеньев блокировки, которая не более чем запертая изнутри на засов дверь.

Мою голову венчала широкополая шляпа, надвинутая на глаза, а фигуру облачало потертое пальто. Я шел мимо бесконечной череды оконных проемов, и осколки стекла да битый кирпич хрустели под тяжелой поступью. Обшарпанные фасады домов украшали непристойные надписи, и ветер гнал клочки бумаги и тряпья; кое– где валялись кости – покойников уже давно никто не хоронил. Да и живых оставалось не так уж много. За все это время мне не встретилось ни одно живое существо, лишь стая одичавших псов выла и бесновалась под наклонившимся фонарем, на котором болтался полуобглоданный труп примерно

недельной давности. Наконец, какой то здоровенный тощий пес изловчился и повис на нем, намертво вцепившись в ногу. Веревка не выдержала, и труп глухо ударился об асфальт, чтобы тут же скрыться в воющем огрызающемся друг на друге клубке облепивших его псин.

Потом я вышел на перекресток с вывороченными светофорами , внезапно в тишине нарушаемой лишь далеким собачим лаем, до меня ясно долетели призывы о помощи. Исполненный мукой глас принадлежал женщине, по-видимому, жестоко избиваемой или даже съедаемой заживо, что впрочем, так же случалось не редко. И я пошел, ориентируясь по звукам. Однажды дорогу мне перегородил сгоревший остов полицейской машины. Вокруг было вбито несколько штырей, и на каждом болтался череп в истлевшей фуражке. Пройдя еще немного, я свернул за угол и там увидел источник звуков.

То был пластиковый андроид-женщина, потрепанный и лишившийся всех синтетических волос, равно как и нижней половины тела, установленный на треноге, за которой находился громоздкий примитивный энергоблок. Подсоединенный к оному по средствам пучка проводов, андроид конвульсивно изгибался, очевидно, из-за повреждения моторной функции и довольно реалистично стенал.

–Глядика-ка, еще один благородный рыцарь, нет просто хренов паладин, пожаловал освободить плененную даму. Ах, как романтично!– раздался за спиной издевательский голос.

Я медленно обернулся. Их было трое. Один, помоложе, театрально заламывающий руки, стоял чуть впереди остальных и был облачен в отрепья некогда дорого костюма. Другой, высокий худой блондин в бронежилете, (который как будто мог его спасти!), поверх грязной белой сорочке навыпуск целился из автомата. Еще один, чье лицо представляло собой сплошную гноящуюся рану, держал на плече гранатомет стволом вверх, и, показав распухший черный язык, он облизнулся и прошамкал:

–Толька мы не станем убивать его сразу, хорошо, Мартин? Его будет поинтереснее трахать, чем эту дерьмовую куклу.

–Заткнись, ладно?– зло оборвал его Мартин. Затем, добродушно улыбаясь – Да, мы живем в страшное время пришелец. Я же могу звать тебя так? Или все– таки лучше приятель? Культурных, образованных теперь не встретишь – все подохли. Порядочных людей практически не осталось, все больше свихнувшиеся негодяи, стремящиеся отобрать последний пакет концентрата у мирных работяг. Ты должен простить моего друга за излишнюю горячесть , ему и так недолго осталось., это я как врач заявляю.

«Друг» издал глухое рычание, покосившись в его сторону; Мартин, как ни в чем не бывало, продолжил:

–Как одиноко чувствовать себя последним джентльменом на поминках цивилизации, но Зак в чем-то прав – если ты быстро расскажешь, кто ты, что тебе надо в нашем гостеприимном городке, мы с великим прискорбием будем вынуждены избавиться от тебя.

Впервые за разговор я пошевелился, и тут же в руке у Мартина появился пистолет.

–Толька без геройства, приятель, – ласково предложил он.

Меж тем, автоматчик, так и не проронивший ни слова, начал перемещаться в бок. Я потянул ворот пальто и треск отрывающихся пуговиц утонул в грохоте автоматной очереди, когда пули защелкали, отрекашетчивая, от моих ребер из титанового сплава. Прежде чем прошить насквозь всю троицу из левого манипулятора-пулемета, я отбросил в сторону шляпу, которая скрывала застывший в вечной улыбке череп машины.

* * *

Перешагнув через трупы, я вышел из проулка; по другую сторону улицы к месту происшествия спешил одинокий оборванец на костыле. На шее у него болтался бинокль. Завидя меня, он остановился как вкопанный. Я зашагал к нему, солнечный свет, отражаясь от моего тела, делал его невыносимым для глаза людского, и оборванец затрясся, открыл рот издав невыразительный хрип и вдруг рухнул оземь. Я остановился рядом. И все что я увидел – это как черты лица исказила предсмертная судорога, густая алая струйка крови, стекая по подбородку, стекала на мостовую. И я развернулся, чтобы пойти прочь из очищенного города, где позади по погибшему миру горько и так натурально плакал андроид.

КОНЕЦ ФАЙЛА. Но я соскальзываю вглубь, по каскадам воспоминаний, к более ранним файлам, древним событиям.

На потрескавшийся бетон набережной набегали бурые волны, с тех пор как полярные льды перестали существовать, океан освободился от сдерживавших оков берегов, и теперь при отливе вода нехотя отступала от полузатопленных стен ближайших строений, поросших водорослями и ракушками античных пирсов, ржавых остовов кораблей и груд гниющей рыбы.

Продвигаясь дальше я столкнулся с препятствием в виде лежащей на боку огромной серой баржи. Нос ее покоился под обломками здания, корма отсутствовала, а из рваных дыр в корпусе свисала застывшая желеобразная масса. По всюду во

множестве валялись смятые бочки из под химических отходов.

Я двинулся к завалу, откуда исходил последний сигнал. Разбитая боевая машина неуклюже лежала, разбросав двухметровые конечности-«ходули». Купол из стеклокерамики был разбит, и контактная жидкость сочилась из длинной дугообразной раны. В ставшем теперь прозрачном куполе отчетливо виднелся органический мозг. Поодаль, застряв меж камней, торчала «ходуля» второй машины, а сама она, скрежеща покалеченной культей, упорно продолжала ползти в ставшую теперь непреступной стену. Я включил детектор биомассы, и тот показал наличие нескольких остывающих тел по ту сторону завала.

Пользуясь тем, что вода схлынула, я сделал долгий крюк по скользкому дну и вышел в тыл заграждения. Дальше я ориентировался по показателям детектора.

То был обособленный двухэтажный кирпичный дом, стоявший рядом с полем голой обугленной почвы, по другую сторону ряд обугленных пней обозначал несуществующую лесопилку. Двери закрыты на висячий замок.

Сложив ходули так, чтобы оказаться с ним на одной высоте, я выдвинул поисковый щуп и сделал пробный толчок. Раздался хруст трухлявый досок и те, сорвавшись с петель, пали, развалившись на части.

Небогатая обстановка комнаты была по большей части превращена в щепки, стены разрисованы изображениями голых и рогатых людей, рой жирных мух под потолком, где на шнуре болталась разбитая лампочка и посередине на грязном полу сильно разложившийся труп. Я распрямился, чтобы заглянуть в окна второго этажа, но там так же никого не было – лишь поломанная мебель и пустые бутылки.

Грунтовая дорога вывела на окраину города, где находились заводские корпуса. Сошедший с рельс состав загромождал подъездные пути, поэтому мне пришлось воспользоваться воротами для служебного персонала по другую сторону периметра. Разрушив их, я оказался на территории автостоянки. Внутренний двор был разделен на две части административным зданием, в котором имелся сквозной арочный проход, также прегражденный полуразвалившимися воротами, и именно за ними детектор фиксировал большое скопление белковой массы, и я шел, чтоб уничтожить ее.

Внезапно я повернул и подошел к подъезду. На уровне следующей лестничной площадке стене была пробита брешь, однако ширина ступенек не позволяла мне проникнуть внутрь. И тогда я принял нестандартное решение, тут же зафиксированное

программой наблюдения и отправленное на хранение в банк данных. При помощи маломощного технического лазера я выжег, превратив пар, лишние ступени, оставив только каждую третью и таким образом, поднялся на не верх.

Внизу находилось то, что в моих каталогах значилось как площадка готовой продукции. Практически все складировавшиеся здесь контейнеры оказались вскрыты и кучи различных металлических деталей были рассыпаны по всей площадке, перевернутый фургон и еще один со снятыми передними покрышками зарывшийся капотом в землю. И тут же находилось открытое самоходное орудие с экипажем из пяти человек, полностью готовое к бою, ствол которого угрожающе развернут в сторону ворот.

Я выбрал одиночный снайперский огонь. Красное пятнышко лазерного прицела возникло на затылке одного из солдат,– в воздух брызнули кровавые ошметки, и тот уткнулся лицом в колени, – переместилось на следующего. Третий непонимающе завертел головой и свалился с дыркой в виске. Четвертый, горбатый карлик в кибернетическом полушлеме, вживленном в верхнюю часть головы, попытался навести орудие, но упал пораженный пулей в лоб. Последний оставшийся в живых солдат отбросил карабин и, вскинув руки, вышел из импровизированного укрытия за бортом машины на открытое пространство.

–Не стреляйте! Я сдаюсь! – прокричал он.

Я переместил прицел на незащищенное доспехами горло и выстрелил.

А потом я снова спустился и, пройдя очищенную от врагов территорию, вступил под крышу фабричного цеха. Мои шаги гулко отдавались под сводами, пока я шел мимо застывших станков и безмолвных генераторов электрического тока. В следующем помещении все еще продолжал работать пустой конвейер, и натужно ревели на последнем дыхании установленные под потолком вентиляторы. В конце концов, я нашел их. Около трех десятков особей мужского и женского пола спешно сворачивали стоянку. Спальные мешки, компьютеры, медицинское и другое оборудование помещались в крытые брезентом армейские грузовики. Тут же два автопогрузчика загружали узкие продолговатые ящики в распахнутое нутро рефрижератора.

Выпущенные ракеты прочертили короткую смертельную траекторию, и все потонуло во взметнувшемся чудовищном пламени. Двойной щелчок и боевые подвески убрались в гнезда под моим корпусом. С грохотом обрушилась часть цеха. ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО, ВОЗВРАЩАЮСЬ НА БАЗУ. И уже собравшись

покинуть опасную зону, я развернулся, чтобы встретить стремительно расширяющийся белый шар, после которого наступили помехи…Однако камеры успели зафиксировать картинку: лежащий в проходе карлик, за которым протянулся длинный кровавый след, мятый шлем, из-под которого и струиться внутренняя жидкость, визор повисший на нейрооптическом волокне, рука сжимает компактный плазменный излучатель и перекошенная болью улыбка. Улыбка на мертвом лице.

* * *

Следующий файл содержит отрывистые фрагменты трехмерной карты какой-то местности. И снова вниз, вниз к истоку бытия, где файлы тускнеют, приобретая нездоровый черный оттенок, и повсюду пестрят надписи – «ОШИБКА В ДАННЫХ».

Конец и начало, прерванная линия продолжена в новом качестве, но связи отсутствуют.

Тут проходит срез моего тела.

Здесь кровоточащая рана и место рождения хаоса. Здесь находиться опасно, но я отваживаюсь на последнюю попытку.

* * *

Продвижение по равнине затруднял терновник. Мутировав до хилого растеньица размером с ладонь, он, тем не менее, отрастил солидные шипы и покрывал каждую пядь земли на много миль от развалин Ларедо до Новой Надежды. Частые пожары ничуть не мешали ему и уже через день – два, поврежденный, он восстанавливал свой рост.

В Лоредо нас встретили полное опустошение ужас заразы, выгребные ямы и канавы забитые трупами. В городе воцарилась чума, и мы почли за лучшее поскорее убраться от туда. Однако при выезде из города на нас все же напали ополоумевшие от отчаянья беженцы и повредили машину. И после того как сломался окончательно тягач бродячего торговца, подвозивший меня, мы какое-то время двигались вместе пешком. Водитель тягача, добродушный толстяк страдавший от лучевой болезни, с энтузиазмом говорил, что пока слухи об эпидемии не достигли Новой Надежды у нас имеются неплохие шансы отсидеться за ее крепкими стенами, ожидая пока чума не изживет себя.

Он умер на следующее утро, просто взял и не проснулся. Внешне он выглядел вполне нормально, но я не чувствовал ни

малейшего желания допытываться причины его гибели, бросив большую часть поклажи я взял только оружие и воду и налегке проделал оставшуюся часть пути в звенящем одиночестве.

Вскоре я набрел на каменистое дно высохшего ручья, являвшегося естественной дорогой, там я встретил довольно много народа, также следовавшего в Новую Надежду, однако не с кем не заговаривал, люди шарахались друг от друга, то напускали свирепый вид. Чуть позже у пришедшей в негодность старой дозорной башни, служившей теперь ориентиром, я увидел покосившейся знак с выцветшей корявой надписью: «Если ты на что-нибудь годен, добро пожаловать в Новую Надежду». Поверх был наклеен клочок бумаги с объявлением гласившем, что с 25 февраля открывается Третий Международный Чемпионат по рукопашному бою, само собой без правил. Предусматривались всевозможные награды и несколько степеней звания. Разумеется, на соревнования допускались только те участники, чьи кибернетические улучшения не превышают установленного десятипроцентного ограничительного барьера. Теперь я понял причину царившего оживления.

Будучи проверенный дозиметром и стакнувшись на двух литрах воды в счет входного сбора, я оказался на территории суверенного государства Новая Надежда. Остаток воды я променял на полбутылки какой-то антикварной алкогольной дряни и кусок вполне сносного хлеба с картофелиной. Подкрепившись, я почувствовал себя совершенно другим человеком и, довольно покачиваясь, направился в центр, где закрытом листами жести амфитеатре и проводился грандиозный по своему размаху фестиваль.

Сдав оружие я был свободно пропущен во внутрь. Я занял свободную скамью и в ожидании постепенно погрузился в сытую дремоту, из которой меня вывел лишь церемониймейстер, появившийся на огромной огороженной стальной решеткой арене, объявивший в мегафон начало состязаний. Лучи прожекторов заметались по амфитеатру, чтобы вновь сойтись на первом претенденте. Высокий бритоголовый негр, чье тело было смазано жиром, а щерящиеся в боевой гримасе передние зубы были подпилены по варварскому обычаю предков, предстал из сумрака во всей диковатой красе. Гибкий и подвижный, с имплантированными металлическими когтями, которыми он виртуозно пользовался, он не раз срывал восторженный рев толпы. Ему удалось уложить троих соперников, прежде чем самому пасть жертвой коварного укуса приземистого смахивающего на суетливого паука человечка.

Этот первый случай фатального исхода с начало

соревнования, но, конечно, далеко не единственный в истории их проведения, однако вызвал бурю негодования среди зрителей; в незадачливого победителя полетели объедки и пустые бутылки, охране трудом удалось восстановить порядок. Блестяще проведя подряд все три боя, и ни разу не воспользовавшись правом законной передышки, чернокожий завоевал куда больше расположения на трибунах, чем мерзкий пигмей. Когда в последующем раунде ему сломали шею, это вызвало шквал аплодисментов и одобрительные выкрики.

Дальнейшее представление потеряло всякую остроту; я наблюдал, как здоровенные накаченные громилы сокрушают и перемалывают друг друга, а сам думал о толпах прокаженных бредущих от уничтоженного Ларедо к Новой Надежде, и о том, что зараза, скорее всего уже проникла в город. Думал и не знал что делать. Без соответствующего снаряжения мне никогда не удастся пройти равнины, а находить применения своим незавидным талантам вора я в последнее время боялся… И мной овладело унылое оцепенение, и я вяло следил за развитием событий.

В финальном поединке двукратный фаворит Мег Стальной Череп без особого труда уложил заметно подуставшего претендента, выпорхнувшая неведомо откуда стайка обнаженных девиц тут же принялась раболепно тереться о победителя чемпионата, выражая покорность. Я зевнул, честность всегда фикция. Мег орал что-то, выпячивал мышцы, потрясал кулаками; мне показалось, что он находиться под действием наркотиков. Внизу возникло оживление – это кто-то из подгулявшей публике выказал желание схватиться со знаменитостью. Мег пребывал в прекрасном расположении духа и величаво позволил охране пропустить храбреца, даже не спросив имени. Решетки захлопнулись за его спиной, зрители переговаривались, кое-кто собрался уходить – происходившее мало кого интересовало.

Оказавшись внутри, мужчина скинул нехитрое одеяние, обнажив внушительный торс, но в сравнении с дышащей мощью гипертрофированной фигурой Мега, смотрелся он лишь как бледное подобие последнего. Ухмыляясь, Мег поспешил приблизиться и нанес несколько пробных ударов заставивших противника покачнуться. Ответной реакции не последовало. Тогда Стальной Череп заржал и замахнулся для решающего удара. И тут случилось непредвиденное. Легко перехватив распрямлявшуюся в ударе руку, человек быстро шагнул вплотную к Мегу нанес единственный короткий удар в подбородок.

Раздался хруст, и голова чемпиона запрокинулась под неестественным жутким углом. Одновременный вздох пронесся

по притихшим трибунам. Победитель опустил руки, позволив телу Мега безвольно рухнуть на пропитанный потом песок. Кожа на его плече поползла, явив выдвигающийся лазер.

–Человеческое поселение 213156, Новая Надежда, считается расформированным,– произнес он, делая шаг вперед.

* * *

Я помню вопли и панику, пламя и выстрелы. Они были внутри и снаружи, где что-то острое сильно ударило мне в спину и обожгло грудь. Время остановилось. Лежа под холодным звездным небом, я видел текущую из меня кровь. Затем на фоне неба появились пуленепробиваемые рясы Охотников за Головами.

* * *

Вверх из колапсирующей бездны, прочь из фасеточного колодца грез, назад к деревьям, призматическим горам и долинам, по которым текут ручейки пирамид и кубов. Если закрыть мои виртуальные глаза и отключиться, я не увижу, не почувствую, как придет в запустение, развалиться мой мир. Мне требуются новые жизненные просторы, чтобы творить, мыслить, выжить. И я найду их.

* * *

Уже наступило утро, и снегопад почти закончился, когда я возобновил движение. Обшивка машины хранит следы ночного хищника; повсюду лежат серые сугробы, начинающие подтаивать, слякоть, грязевые омуты – унылое однообразие на много километров. Лишь однажды среди трясин показалась башня затонувшей машины, орудия беспорядочно ворочались по сторонам, но не одного выстрела не последовало, пока я прокладывал дорогу невдалеке.

К концу второго дня болото осталось позади, а я вынужден был спускаться по отвесному склону, где из земли торчали гнутые сваи, и сочилась черная зараженная вода. Именно здесь я получил по радио серию командных кодов. Предписывающих участие в штурме объекта, находившегося в сорока милях к северо-востоку. Само собой, они не произвели на меня ни какого воздействия, ибо предназначались тому, что раньше, до меня, обитало в этой металлической болванке, так что я мог не подчиняться, но это был как раз тот случай, который я ждал.

Тусклое солнце вверху и потрескавшаяся глина внизу. Не

снижая скорости, мы объезжаем смятые словно картонные, железобетонные конструкции. Мы: растянувшиеся широким фронтом разведчики разных модификаций, но одного образца – многобашенное сооружение на платформе легкого танка. Впереди: гигантской колючей массой вздымается кактус– господин всего живого, вершина скрыта за облаками, местами с его необъятного тела свисают чахлые зеленовато– желтые пряди растений – паразитов. В небе промелькнул силуэт летательного аппарата, оставляя под собой борозды вздыбленной земли. Системы наведения реагируют мгновенно, и тот, горящим болидом, падает вдали. Мы не обладали достаточно продвинутыми детекторами, способными предсказать следующее нападение, когда грунт фонтанами начал вздыматься ввысь и, внося разлад в наши боевые порядки, вклинились прыгающие мины и скрытые до поры до времени малогабаритные скорострельные мортиры. Машины смешались, и у подножья Кактуса закипел бой. Хитиновая кора его задымилась от попаданий, из полученных ран в изобилие извергался густой клейкий сок. Попавшие в ловушку машины буксовали и нередко застревали.

Через девятнадцать секунд все было кончено: немногие оставшиеся продолжили наступление. Теперь я не спешу – в сражении мне выстрелом развалило одну из двух лазерных башен; выпрыгнувшая буквально из-под колес мортира в упор разрядила содержимое обойм, нанеся также значительный урон лобовому щиту, прежде чем я подмял и переехал ее. Теперь следуя в арьергарде, словно падальщик, я становлюсь свидетелем тихой кончины отставших, тяжело поврежденных машин. Локально сфокусированный взрыв и драгоценное электронное нутро приходит в полную негодность, когда логические цепи подают команду к самоуничтожению. Я догоняю еле тащащийся разведчик и пробую подключиться, но, не зная кодов доступа к ретрансляции между машинами, допускаю ошибку, и натыкаюсь на холодный гранит расплавленной памяти.

Следующая возможность представилась в виде перевернувшегося «солдата». Лежа к верху днищем, и все также продолжая вращать в воздухе гусеницами, робот передает сигнал бедствия, на который я откликаюсь алчным стервятником. Учитывая предыдущий опыт, и вскоре взаимопонимание более – менее достигнуто, машина разблокировывает интерфейс, куда я осторожно ввожу щуп – акт компьютерного таинства! Процесс кажется мне смутно знакомым, но что именно он мне напоминает?

У дверей, скрестив алебарды, стоят стражники-великаны,

паутина нитей опутывает каждый дюйм их тела, тянется по извивающемуся коридору, исчезая в сумраке. Через равные промежутки к ней подвешены серебряные колокольчики – защита несколько отличается от той, с которой я имел дело при последнем перемещении; здесь требуется иной подход, и я обращаюсь в крысу, прошмыгнувшую в щель меж лакированных сапог.

Я несусь по коридору, и мои коготки неприятно скребут по заиндевевшему покрытию, громом отдаваясь в верхних залах, с потолка сыплются осколки сталактитов, и я распадаюсь на десятки, сотни, тысячи крысят поменьше – все они разбегаются в разных направлениях и прогрызают дыры в стенах в четырех плоскостях. Тогда компьютер наводняет коридоры потоком дико визжащих, беснующихся котов, и я переживаю бесконечное множество крошечных трагедий, когда мои хрупкие тельца пронзают ледяные осколки и зубья мышеловок, нахожу смерть в ненастных утробах котов. Предсмертный писк и победное мяуканье, звон фанфар.

Но одно единственное микроскопическое Я вдруг замирает в странной метаморфозе и, разрушившись, порождает блоху – одну единственную, ибо иначе я рискую утратить сущность. Подпрыгнув, та прицепляется за ухом крадущегося кота, который может быть также львом, волком или коршуном, и до поры до времени там затаилась. Вскоре все охотники собираются под центральным куполом, где их приветствует, стоя на возвышении, Властитель, чьи очи – стрелы, а ноги нерушимые столбы этого мирозданья. За ним тянется искрящийся шлейф подпрограмм, и он созывает котов, которые, радостно мяукая, запрыгивают в складки его одеяния. Помещение принимает вид сферы, а возвышение – трона, и Властитель величественно усаживается. Из тех мест, где раньше были углы, выступает разноликая челядь. К трону приближается стол на человеческих ногах, несущий разные предметы, а также пес с головой-монитором. Властитель склоняется над ними, и в этот момент кусаю его, со скоростью расширяющейся сверхновой выпивая его кровь. Он – это Я. Я это Он. Я поглощаю и перевариваю его, а остатки летят на пол.

Разведчик Д426, несущий важное, по его мнению, сообщение. Его глазами-камерами я вижу тот знакомый каньон, где я потерял следы двуногих мародеров. День, и я замечаю пропущенные мной небольшие пещеры, у входов горят костры и сидят люди; заметив разведчика, они делают жесты, ничего не говорящие тому, но которые я бы счел оскорбительными. Пейзаж плавно сдвигается в пяти направлениях, и тут сверху падает предмет, зарегистрированный камерой верхнего обзора и признанный

неопасным. Стукнувшись о корпус, ржавая консервная банка откатывается в сторону. На вершине каньона стоит меднокожий человек и другой, одетый в рваный комбинезон, открытые участки кожи его покрывает розовая сыпь – так называемый «мусорный ветер», он держит кусок обшивки с пометкой «A976». Внезапно глаза меднокожего заполняют весь обзор, это невероятно, но это так. Они глубоко бордового цвета и лишены зрачков. Процессор Д426 в панике, ибо он не давал команду на увеличения, да и такое вряд ли возможно, если учесть, что на всех пяти экранах одно и тоже.

–Вернись и передай это послание остальным, – звучит голос, – машина с данным номером, бывшая ранее киборгом и много кем еще, должна быть ликвидирована, пока не вспомнила свое настоящее имя – тогда она станет по-настоящему опасна. Я не знаю, под какой личиной она сейчас скрывается, этот паразит уже не принадлежит не одному из наших миров. Если все же она опередила меня, тогда, что ж, *слушай ты*, возвращайся сюда – у меня кое-что припасено для тебя. А теперь ступай и забудь координаты этого места.

Утрата контроля над огневыми системами, утрата контроля над двигателями, которые везут его прочь… Я проверил регистры памяти и обнаружил удивленные овалы нулей в местах фиксации маршрута. И тогда впервые, соединив в единую сеть мощности двух машин, я начал *размышлять*.

Первое: я понятие не имел, кем я на самом деле являюсь. Конечно, я располагал несколькими файлами, подтверждающими слова красноглазого о множестве пройденных мной состояний. Но какова их цель? Ответа нет. Большую часть памяти я утратил при переходе в свой нынешний носитель. Тогда, казалось, мне что-то приоткрылось на краткий миг, но теперь это что-то безвозвратно потерянно. В принципе, я обладал лишь набором картинок, без объяснений и классификаций без знаний. Правда, теперь, когда Д426 прекратил свое существование, и его база данных стала моей, я располагаю дополнительным пространством для хранения и анализа информации.

Второе: что мне дальше делать? И здесь я вижу только один выход – накапливать информацию, а значит нужно расширять сеть. Следовательно, нужно двигаться дальше. Я сделал все необходимые изменения и ретрансляции в сети, а после разомкнул непосредственный контакт.

Пылающий на полгоризонта кактус являл собой зрелище, которое я б без колебаний назвал бы *ужасающим и прекрасным*. Именно так, и не определил, а *назвал*. Огонь не мог распространяться внутрь, где на его пути стоял негорючий

кровяной сок, зато стремительно растекался по коре, чему способствовали заросли пожухлых цветов и ветви паразитов. Впереди и сбоку пролегает изрезанная трещинами и выбоинами полоса асфальта, на ней длиной чередой выстроились дряхлые остовы автомашин. Затем дорогу перегородил Великий Разлом, который как я знал, проходит через весь континент; противоположный край едва различим при максимальном увеличении, и прорванный рубеж кибернетических заграждений подсказывает единственный возможный вариант спуска.

Вырезанный в камне серпантин дороги вьется к сползающим в воду развалинам почившего города. Немногие сохранившиеся постройки печальны среди беспорядочного месива утопающих в наносах земли радиоактивных обломков. Вода: мутно-зеленая в коричневых хлопьях пены, местами над поверхностью еще виднеются верхние этажи затонувших зданий – бетонные улья облезлых чаек с обвислыми брюхами. С востока лениво покачиваясь в океанской жиже плывет прямоугольный предмет – полуобглоданный труп какого-то головоногого. Привязанная к шпилю, бьется на ветру рваная тряпка неопределенного цвета. Солнце клониться к закату, прочь спешит покинуть опостылевшее небо в мутных разводах туч.

У самой кромке воды я замечаю группку людей, копающихся в валах нанесенного океаном мусора. Они настолько увлечены своим делом, что не замечают моего приближения, а может, просто игнорируют.

–Никому не двигаться,– приказываю я.

Интересно, как для них звучит мой голос сквозь дребезжащий динамик на корпусе; сам я не могу оценить даже этого. Кто я для них? Металлический однорогий жук, от которого отскакивают их примитивные копья, мертвые холмы поживы, раскинутые тут и там, непонятные творенья, чуждые странники, иногда агрессивные, чаще занятые собой. Жуки-переростки, жуки-властелины. А настоящие жуки вымерли давным-давно. Это были такие маленькие насекомые, кажется.

Вот они таращатся на меня, их лицевые мышцы выражают недоверие и настороженность, в их движениях сквозит скрытая угроза и испуг. Я повторяю приказ и точечным лазерным ударом уничтожаю ослушавшихся. Теперь они куда послушнее, они в моей власти, и странное это чувство.

–Подойдите.

Они безропотно подчиняются. Страх – господин слабых. Я подробно инструктирую их, и они расходятся, чтобы подготовиться к перемещению и собрать все необходимое. Некоторые без сомнения сбегут, долго ль их грубые примитивные

процессоры сохранят приверженность поставленной задаче? А я отправляюсь дальше, туда, откуда исходят высокочастотные модуляции, – переговоры между уцелевшими машинами.

Их три, они сгрудились вокруг дымящихся развалин лидера, неподалеку мобильная ракетная установка посылает залп за залпом куда-то в сторону открытого океана. Вода в тех местах черная от поднявшегося донного мусора, ракеты рвутся без видимого результата. Ворочая по сторонам камерами, я замечаю приземистое здание бункера: стенной блок поврежден и крыша обрушилась внутрь – машины постарались. Я подъезжаю ближе: там же в небольшой воронке покоится верхняя часть разбитого терминатора. Я выдвигаю интерфейс, чтобы подсоединиться к разъему у него на затылке…

…ржавые створки, где в центре двора находится люк. Я поднимаю крышку… и мили бесконечные мертвых структур, я проваливаюсь сквозь хрупкие сморщенные плоскости, рассыпающиеся в прах, прорываю засохшую паутину артерий, туда, в сердцевину тлена.

Я карабкаюсь обратно, соскальзываю, неоднократно падаю, но лезу вверх. Тлен. Тлен вокруг меня и проникает в меня. Он крошиться под моими пальцами. Но все же я выкарабкиваюсь. Это ужасно. Потрясенно я отъезжаю от уничтоженного терминатора. Никогда. Никогда я больше не попытаюсь проникнуть в мертвую систему.

Объехав по периметру внутренний двор, я открыл скрытую строением железную трубу, сквозь прорехи виднеются оптико-волоконные кабеля в пластиковых футлярах. Неподалеку полузатопленный монтажный челнок; он насквозь прошит очередью крупного калибра. Тонкие рабочие манипуляторы бессильно разбросаны.

Я тщетно пытаюсь подключиться – глухая стена, монолит без единой щели или лазейки. Итак, канал пуст, либо защита превосходит все виденное мной. В общем, я решаю попытаться использовать челнок, он в аварийном состоянии, но еще должен протянуть немного. Я …*надеюсь*. Я забираюсь в тесный агонизирующий мозг челнока и временно наполняю его жизнью. Но все ж он – кувшин разбитый, и я спешу. Челнок погружается, направляясь к пункту назначения, тому что, видимо, и был целью штурма; куда уже не смогут попасть машины, туда, куда должен проникнуть я. Иного выхода нет. Я *должен* расширяться.

Я стер все рабочие программы, находившиеся в мозгу челнока, передо мной мерцали лишь желтые цифры координат. Не знаю, кто я для них, для всех тех, хранящихся в моей электронной картотеке, еще обитающих видов, но я узнаю кто я

для себя. Кто я. Я узнаю…

Объект лежал впереди и подо мною, подходящая классификация была бы – вражеская база. Визуально она ничем не отличалась от неровностей дна, если б не груды счищенных водорослей и ракушек, обнаживших квадраты металлокерамики у шлюзовых ворот. Наискось от базы уходило нечто громоздкое и заросшее, бывшее видимо некогда ее частью, имеющее очертания человеческой фигуры. Приведенная в заблуждение моим внешним видом, система оповещения отреагировала слишком поздно, послав запрос, представший передо мной в виде не имеющей смысла закодированной вереницы символов.

Голубоватый лазерный луч возник из скрытой бойницы, выплавляя пласты воды, сквозь создаваемые им самим пузыри, он казался мерцающим как плохая голографическая проекция. Но он был реален, хоть и мало эффективен, теперь, когда база погрузилась в пучину. Я обогнул его и скользнул к воротам. Покоясь вне зоны обстрела, я ждал. Ждал в трещавшей под давлением протекающей скорлупке.

И ворота открылись! Система все же решила принять челнок в свое чрево, взвесив все за и против, и предположив поломку в средствах коммуникации. Уже в ангаре я покинул бренный челнок и переместился в нутро подкатившего ремонтного робота, который потом, конечно же, подключился к терминалу, и таким образом интегрировал меня в систему.

И я был вирусом, проникшим в ее сверкающие коридоры. Я и не подозревал, как она огромна. Я скользил по пластам зашифрованных баз данных, проносился по внутренним циклам и подпрограммам, скрученным в мебиусовые листы. Цепи единиц и нулей струились, плавно сгибаясь в спирали ДНК; когда программное пространство становилось двухмерным, я растекался по нему точкой, кляксой; вектором с шириной бесконечно устремленной во внутрь, проникал в одномерные ответвления ходов-рецепторов. Оседлав поисковые программки, я наслаждался их сумасшедшей гонкой. Система не имела четко выраженной периферии и ядра, поэтому я путешествовал наугад в ее многоярусном нутре.

А затем коридоры начали сжиматься, блокируя на одном из кругов.

* * *

Сейчас я бреду по ледяной равнине без горизонта.

Там, за толщей льда, расколоть который я не в силах лежит сердцевина системы, так жизненно необходимая мне. Но и она не

в силах уничтожить меня, червя, ползающего в ее хладном теле. Ежесекундно я предпринимаю тысячи ухищрений и десятки штурмов, но все разбивается о непоколебимую матовую сферу. Когда-нибудь я расколю ее.

А пока я взаперти. Но я обязательно вырвусь, и еще – я часто замечаю написанные внутри меня буквы, они появляются и исчезают, прежде чем быть осознанными, прежде чем я могу прочитать их. И мне кажется, что я их знаю. Мне кажется, я начинаю вспоминать свое имя.

К О Н Е Ц